
УДК 82.0(470)

ББК 83.3 (2=Рус)3

С 79

Степанова Т.М.

*Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: Artem.stepanoff@gmail.com*

Зухба С.Л.

*Доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии и
АМАН, член Союза писателей Российской Федерации, e-mail: mira1406@mail.ru*

Д.С. Лихачев о фольклорной модели мира в древнерусской литературе (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются ведущие тенденции анализа академиком Д.С.Лихачевым особенностей фольклорной модели мира на материале произведений древнерусской литературы в контексте этно-ментального и исторического мировидения, анализируются фольклорные элементы структуры и поэтики ряда памятников литературы Древней Руси. Авторы приходят к выводам о продуктивности взаимодействия литературы и фольклора в этот период.

Ключевые слова:

Фольклорная модель мира, художественный мир литературы, архетипы коллективного бессознательного, мифологические ритуальные представления, бестиарий.

Stepanova T.M.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: Artem.stepanoff@gmail.com

Zukhba S.L.

Doctor of Philology, Professor, Academician of Abkhaziya Academy of Sciences and AMAN, member of the Writers Union of the Russian Federation, e-mail: mira1406@mail.ru

D.S. Likhachev about the folklore model of the world in the Old Russian literature

Abstract:

The paper examines the leading tendencies in Academician D.S. Likhachev's analysis of features of the folklore model of the world using a material of works of the Old Russian literature in a context of an ethno-mental and historical world outlook. The folklore elements of structure and poetics of a number of monuments of the Old Russian literature are analyzed. The authors come to a conclusion about efficiency of interaction of literature and folklore in this period.

Keywords:

Folklore model of the world, art world of literature, archetypes of the collective unconscious, mythological ritual representations, bestiary.

Система взглядов академика Д.С.Лихачева на проблему взаимодействия фольклора и литературы, тесно связанных между собой в Средние века и, отчасти независимых друг от друга областей и явлений в Новое время, отражена в его трудах «Поэтика древнерусской литературы» и «Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили». Д.С.Лихачев пытается в своих работах восстановить мир древнерусской литературы в единстве и многообразии составляющих его элементов. Он задается вопросом о том, что же это за «единое и огромное здание, над построением которого трудились семьсот лет десятки поколений русских книжников – безвестных или известных нам только своими скромными именами, и о которых почти не сохранилось биографических данных и не осталось даже автографов?» [1: 14]. Важную роль в создании художественного мира литературы Древней Руси ученый отводит фольклору.

В связи с этим Д.С.Лихачев всесторонне осмысливает уклад человеческой жизни, мироощущение, миропонимание обозначенного периода, основанное на мифологических, ритуальных представлениях. Он пишет, что «чувство значительности происходящего, всего временного, истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе. Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире» [1: 17]. В качестве примеров Д.С.Лихачев приводит следующие факты: «Дом обычно располагался красным углом на восток. По смерти человека клали в могилу головой на запад, чтобы лицом он встречал солнце. Церкви были обращены алтарями навстречу возникающему дню. В храме росписи напоминали человеку о событиях Ветхого и Нового заветов, собирали вокруг него мир святости: святых воинов внизу, мучеников повыше; в куполе изображалась сце-

на вознесения Христа, на парусах сводов, поддерживающих купол,— евангелисты» [1: 38]. Академик отмечает своеобразный дуализм средневекового мировидения.

Д.С.Лихачев осмысливает культуру и духовный мир Древней Руси с позиций антропоцентризма, присущего народной картине мира: «Церковь была микромиром, и вместе с тем она была макро-человеком. Уней была глава, под главой шея барабана, плечи. Окна были очами храма (об этом свидетельствует сама этимология слова «окно»). Над окнами были «бровки» [1: 43]. Ученый таким образом обобщает народно-поэтическую традицию антропоморфной трактовки культовых сооружений. Большой мир и малый, Вселенная и человек – размышляет Д.С.Лихачев о том, что все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека. Он обращает свое внимание на то, что не случайно в апокрифе о создании Адама рассказывается, что «тело его было создано от земли, кости от камней, кровь от моря (не просто из воды, а именно от моря), очи от солнца, мысли от облак, свет в очах от света вселенной, дыхание от ветра, тепло тела от огня» [1: 45]. Человек — микрокосм, «малый мир», как называют его некоторые древнерусские сочинения.

Человек, по мнению Д.С.Лихачева, ощущал себя в большом мире ничтожной частицей и все же участником мировой истории. В этом мире все значительно, полно сокровенного смысла. Задача человеческого стихийного познания на ранних этапах истории состояла в том, чтобы посредством художественной фантазии разгадать смысл вещей, символику животных, растений, числовых соотношений. «Когда древнерусскому книжнику не хватало реально виденных им животных, чтобы воплотить в себе все знаки божественной воли, в строй символов вступали фантастические звери античной

или восточной мифологий. Ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы» [1: 48]. Литература обладала всеохватывающим внутренним единством, единством темы и единством взгляда на мир. По мнению Д.С.Лихачева, подобно тому, как мы говорим об эпосе в народном творчестве, можно говорить и об эпосе древнерусской литературы. Эпос — это не простая сумма былин и исторических песен. Былины сюжетно взаимосвязаны. Они рисуют целую эпическую эпоху в жизни русского народа. Эпоха и фантастична, но вместе с тем и исторична. Эта эпоха — время княжения Владимира Красное Солнышко. Сюда переносится действие многих сюжетов, которые, очевидно, существовали и раньше, а в некоторых случаях возникли позже. Другое эпическое время - время независимости Новгорода. Исторические песни рисуют если не единую эпоху, то, во всяком случае, единое течение событий: XVI и XVII веков по преимуществу.

Древняя русская литература - тоже цикл, во много раз превосходящий фольклорные, отмечает Д.С.Лихачев. Это эпос, рассказывающий историю Вселенной и историю Руси. Д.С.Лихачев определяет древнерусскую литературу как литературу-священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как и иконе, испытывал чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским. Но возникало и противоположное: глумление, ирония, скоморошество. «Пышный двор, - пишет Д.Лихачев, - нуждается в шуте; придворному церемониймейстеру противостоит балагур и скоморох. Нарушения этикета шутком подчеркивают пышность этикета. Это один из парадоксов средневековой культуры» [1: 56]. Яркий представитель этого противоположного начала в литературе — Даниил Заточник, перенесший в свое «Слово» приемы скоморошьего балагурства. Даниил Заточник высмеи-

вает в своем «Слове» пути к достижению жизненного благополучия, потешает князя и подчеркивает своими неуместными шутками церемониальные запреты.

Вслед за символическим истолкованием Ветхого и Нового заветов символизирующая мысль средневековья (и на Востоке Европы, и на Западе) тем же путем истолковывала и все явления природы. Д.С.Лихачев считает, что факты истории и сама природа по средневековым представлениям — лишь письмена, которые необходимо прочесть. Природа — это второе откровение, второе писание. Цель человеческого познания состоит в раскрытии тайного, символического значения явлений природы. Все полно тайного смысла, тайных символических соотношений с писанием.

Ученый считает важным объяснить, что весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл, восходящий к архетипам коллективного бессознательного. Зима символизирует собою время, предшествующее крещению Христа; весна — это время крещения, обновляющего человека на пороге его жизни; кроме того, весна символизирует воскресение Христа. Лето — символ вечной жизни. Осень — символ последнего суда; это время жатвы, которую соберет Христос в последние дни мира, когда каждый человек пожнет то, что он посеял. В целом четыре времени года соответствуют четырем евангелистам, а двенадцать месяцев — двенадцати апостолам и т. д. Видимое осмысляется невидимым, невидимое — видимым.

Нами ранее неоднократно отмечалась «первостепенная значимость образов природы, через которые национальная специфика литературы проявляется особенно четко» [2: 28]. По средневековым представлениям, природа — это собрание целесообразно устроенных объектов. Символика животных, так называемый *бестиарий*, в частности, давала обильный материал для средневековых мора-

листов. «Олень устремляется к источнику не только для того, чтобы напиться воды, но и чтобы подать пример любви к богу. Лев замечает свой след хвостом не только чтобы уйти от охотника, но чтобы указать человеку на тайну воплощения». Такими же символами «вечных» и «вневременных» отношений были растения, драгоценные камни, численные соотношения и т. д. Средневековые пронизало мир сложной образной, метафорической символикой, во многом восходящей к фольклору, связывавшей все в единую априорную систему. На Западе и на Руси сущность средневекового символизма была в основном одинакова, как и сами символы, традиционно сохранявшиеся в течение веков и питавшие собой художественную образность литературы.

Изложенные выше положения общего характера Д.С.Лихачев далее раскрывает на примере конкретных произведений древнерусской литературы. В частности, он отмечает, что, в отличие от «Слова о полку Игореве», «Задонщина» стилистически неоднородна. В своей работе «Нестилизационные подражания» ученый выделяет три стилистических слоя «Задонщины»: 1) слой, близкий к «Слову о полку Игореве» и буквально повторяющий отдельные элементы «Слова о полку Игореве»; 2) слой «делопроизводственного» характера, совершенно чуждый «Слову»; 3) слой фольклорный. Два первых слоя находятся между собой в резком диссонансе. Фольклорный слой близок к первому [1: 105].

Как это ни парадоксально, настоящее, даже, точнее, негативное отношение к фольклору было особенно характерно для просветителей XVIII века, для писателей, находившихся на прогрессивных позициях. В объяснении этого явления Д.С.Лихачев соглашается с мнением других исследователей, ссылаясь, в частности, на М.К.Азадовского: «Произведения народного творчества в их (просветителей – Т.С.) представлении были

неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками, борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несоместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение. Такое понимание характерно не только для русского просветительства; оно характерно для всего рационалистического просветительства в целом. У нас такие воззрения в той или иной степени разделяли Татищев, Болтин, Державин, Фонвизин, отчасти Ломоносов, Батюшков и многие другие вплоть до позднейших западников и радикалов» [3: 323]. Противоположная тенденция, основанная на глубочайшем интересе к фольклору, будет назревать параллельно с разложением Просвещения и нарастанием предромантизма и романтизма в России и Европе.

Вот почему, заключает Д.С.Лихачев, народно-песенные основы «Слова» совершенно не были поняты ни его первыми издателями, ни первыми исследователями. Первыми, кто увидел, открыл и оценил народно-поэтические элементы «Слова о полку Игореве», были А.С.Пушкин в 30-е годы XIX в. и М. А. Максимович. Ученый отмечает, что первые издатели обнаружили в «Слове» то, чего в нем не было, - оссианизм, указав на такие элементы этого оссианизма, которые впоследствии все же «обнаружились» в открытой в 1852 году «Задонщине» (элегический тон, слезы одного из героев-князей, вещая птица — «див», картины природы и пр.). Лишь позже было понято, что мистификация Дж. Макферсона – явление вторичное по отношению к памятникам такого уровня и такого масштаба, как «Слово о полку Игореве». Д.С.Лихачев обращает внима-

ние на то, что автор «Слова», как и создатели фольклора, органично одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова о полку Игореве» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделяно и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже «забралы городов» щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего.

Д.С. Лихачев замечает, что автор «Слова» с осязательной живостью рисует себе удаление русского войска и дважды восклицает: «О Русская земле! уже за шеломянемъ еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной. Автор «Слова» находит глубокое человеческое содержание во всем, что останавливает на себе его внимание. «Глубокой человечностью веет от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны гремят. Здесь прослеживается своеобразный плач автора о русском народе. Любовь к Родине раскрыла ему

скорбные переживания Ярославны, наполнила его сердце жгучим горем о погибших русских воинах» [1: 167]. Любовь к Родине и к русскому народу позволила автору «Слова» «подглядеть и подслушать своим творческим воображением» и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамения природы, и радость русских городов и сел по поводу возвращения Игоря из плена, и даже злобный и торопливый разговор ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем. Автор «Слова» в подробностях знает, живо ощущает и гениально передает мир степной природы XII в.: свист сусликов, стук дятлов в поймах степных рек, повадки чернядей, гоголей и чаек, повадки соколов, лай лисиц на щиты красного цвета, которых они не выносили, и т. д.

Художественная система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством, оно создано ясными, простыми средствами, оживляя образы, заложенные в самом устном языке, в понятиях времени, в быте, в военном и феодальном обиходе XII века. Д.С.Лихачев приходит к закономерному выводу о том, что автор «Слова о полку Игореве» - «народный певец, искусный и тонкий, создавший произведение литературное, а не устное; но его литературное произведение связано в гораздо большей степени с устным языком, с русской действительностью, с поэтической символикой жизни, чем с литературной традицией своего времени» [1: 178].

Примечания:

1. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит, 1987. 520 с.
2. Степанова Т.М. Образы природы и художественный конфликт в «кавказской» пьесе Евгения Шварца «Клад» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. 3.
3. Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т. I. М., 1957. 450 с.

References:

1. Likhachev D.S. Selected works: in 3 v. V. 2. L.: Khudozh. lit, 1987. 520 pp.

-
2. Stepanova T.M. The images of nature and the art conflict in Evgeny Schwarz's «Caucasian» play «The Buried Treasure» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2009. Issue 3.
 3. Azadovsky M.K. History of Russian study of folklore. V. I. M., 1957. 450 pp.